

Виктор Куркевич

История Киева

Киев

ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКИЙ

Виктор Киркевич
История Киева. Киев
ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКИЙ
Серия «История Киева», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33398527

*История Киева. Киев литовско-польский / Виктор Киркевич: Фолио;
Харьков; 2018*

ISBN 978-966-03-8075-2

Аннотация

Вторая книга проекта «История Киева» называется «Киев литовско-польский». Она рассказывает о наименее известном неискушенному читателю периоде истории Украины, когда значительная часть наших земель входила в состав сначала Великого княжества Литовского, а потом Польши. Автор подробно, с привлечением исторических материалов, поясняет, почему русская, а потом и советская историография умалчивала о событиях того времени и о людях, живших в ту эпоху. При этом Виктор Киркевич подчеркивает, что не только ослабевшая и потерявшая государственность после нашествия монголо-татар Русь тогда нуждалась в сильном защитнике, которым и стало в XIV веке Великое княжество Литовское, но и само княжество выиграло от этого объединения, так как на его элиту огромное

влияние оказала русская культура, письменность и православие. И конечно, несомненный интерес у читателя вызовет подробный и при этом увлекательный рассказ о жизни Киева и его обитателей в этот мало изученный период.

Содержание

Руський Киев	5
Киев под Литвой	18
Ольгерд – великий князь литовский	42
Витовт великий	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Виктор Киркевич

История Киева. Киев ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКИЙ

Руський Киев

Первой мыслью было начать книгу с рассказа о литовском Киеве, но пришлось немного с этим повременить. Я – автор и в этом произведении продолжу разрушать сложившиеся стереотипы украинской истории и оживлять, придавать интригу событиям давно минувших столетий. Следует помнить, что история всегда субъективна и давно стоит на службе политики. Что сознательное гражданское общество, оторвавшись от насквозь пропитанной лживой тенденциозности советских школьных учебников не знает, «куда причалить», где почерпнуть хоть более-менее достоверные сведения о нашем прошлом. В этом очень сложно разобраться... И какая «пыль веков», когда наши современники заблудились в «трех соснах» современной политики и на «минном поле» экономических взаимоотношений и криминальных дрызг олигархов! Какое Литовско-Руськое государство, когда никто не знает, что делать с Донецким кряжем.

История, безусловно, является наукой субъективной, ведь

историк не имеет непосредственного доступа к реальности, которую описывает. Когда-то выдающийся французский исследователь Марк Блок остроумно заметил, что ни один историк не услышит грохот пушек под Аустерлицем и никогда не увидит Рамсеса, поэтому всё, о чем он пишет, есть продукт его личного воображения, которое подпитывается разными способами и методами. А у меня, дорогой читатель, не только богатая фантазия, но и выработанная полувеком активного коллекционирования, отлично развитая зрительная память, опирающаяся на тысячи исторических артефактов. История тем и отличается от беллетристики, что рассказывает и предполагает, как и что могло произойти. Нужно лишь подстегнуть воображение, углубляясь в описываемую эпоху!

Мы часто слышим, что в истории много «белых пятен», но на самом деле такие «пятна» – это просто еще не исследованные страницы прошлого. А если разобраться, то время, окружение подсказывают историку их важность, необходимость воспринять, прочувствовать эпоху, разобраться, почему возникло это «белое пятно» – и дать ответ, очистить от ложных идеологических наслоений и «новых хронологий». Но ответов будет великое множество, и легко убедиться, что в каждой проблеме может поместиться столько историков, «сколько ангелов на кончике иголки», – именно этот вопрос интересовал в исследуемом временном периоде богословов и даже философов. Всё, что я описываю, имеет немало ракурсов, и каждый содержит ответ, который часто по конъюнктурным

и политическим причинам редко озвучивали... А если разгадать причину этой «исторической завуалированности», то нетрудно докопаться до истины. Инструментов много: поиск источников, чтение между строк, домысливание прочитанного, мастерство логически всё вместе связать, применить широко используемый в геологии (я в прошлом геолог) метод аналогий, умение вписать всё это в более широкий контекст – одним словом, отшлифованное до совершенства мастерство, которое формировалось десятилетиями.

Только наивный исследователь, в отличие от профессионально зрелого, слепо верит источнику. Работа с ним – это азартная игра, нечто похожее на разгадывание кроссворда. Нужно понимать, что источники по определению не могут донести до нас «абсолютной истины». Первый повод для сомнения: документ составил человек, у которого были свои жизненные приоритеты. Второй повод заключается в самом историке – это его мировоззрение, его семейные, образовательные, религиозные и культурные ценности, а также стереотипы времени, в котором он живет. И наконец, третий повод для сомнений – в полной мере объективный – это устоявшиеся в науке стандарты описания истории. Всех разночтений не предусмотреть, можно апеллировать только к единственному: держать дистанцию между собой и источником, при этом всегда помнить, что нельзя ожидать «чистой правды». Источник всегда лишь одна из возможных «ископок минувшего», а не прошлое во всей его полноте. Один из

выдающихся теоретиков историографии XX столетия Бенедетто Кроче заметил, что всю историю может охватить лишь «глаз Бога».

Источником для историка является всё, что «выдает» присутствие человека: это материальные следы прошлого, документальные свидетельства, артефакты, мемуары, произведения искусства, летописи, хроники, письма, дневники. В полной мере источником является и художественная литература: например, из расставленных Сенкевичем акцентов в «Крестоносцах» мы узнаём, чего ждали от писателя в эпоху романтизма.

С конца XIX века источники пополняются фотографиями и кинофильмами, потом видеозаписями. Отличить в них «правду» от мимикрии под нее непросто. Когда я учился в Киевском университете, нам часто говорили, что фотография – это достоверный источник, выхваченный объективом кусочек жизни. Но, собрав в своем архиве около тысячи документальных снимков, убедился, что среди них немало постановочных, особенно этим грешили тоталитарные режимы. В первую очередь, это постановочная кинохроника. Родной брат моей бабушки, Владимир Добжанский, снимая хронику с 1911-го по 1918 год, не применял постановок. Как можно было поставить в нужное место Николая II, Столыпина или Грушевского, которых он «навечно» запечатлел на пленку. В эпоху «политпропаганды» кадры «штурма Зимнего дворца», растиражированные в тысячах копий, всего-на-

всего фрагмент художественного фильма. «Высот в визуальном хвостовстве» достигли нацистская и советская кинохроника. Убедительный пример – оператор во время парада на Красной площади снимает радостных трудящихся и товарища Сталина, а не людей, которые в это самое время откупоривали бутылку казенной водки в подворотне. А во время войны хроникер снимал не повседневные ужасы и грязь, а храброго комбата, который с призывом «За Родину, за Сталина!» и с револьвером в руке рванул навстречу врагу. Элементы реальности безусловно, присутствуют, но историк обязан воспринимать их критически и не забывать об идеологическом заказе таких «документальных свидетельств», часто выполненных мастерами культуры на высоком профессиональном уровне.

Когда-то философ Декарт назвал историка «путешественником», который, переместившись из своего времени в другое, перестает быть полезным для своей страны и своего окружения – он *«становится чужестранцем у себя дома»*. Хорошо это или плохо – вопрос риторический... Меня, к примеру, мало интересует, как формируется коалиция в Верховной Раде, а азарт у меня появляется, когда в пертурбациях и драках сегодняшних депутатов я вижу отголоски таскания за бороду в московской Боярской думе...

Что касается профессиональных и конкретных ориентаций, я считаю, что одним из принципиальнейших является материалистическое или идеалистическое восприятие про-

шлого. Немножко упрощая, напомним, что материалистический подход предусматривает приоритет экономического бытия и материальных реалий в понимании способов мышления и поведения человека. Идеалистический подход, в свою очередь, отдает первенство способам осмысления мира, к которому по-своему «присоединяется» материальное бытие. Я всегда в своих рассказах и произведениях заявляю, что давно принадлежу к «идеалистам», мне в первую очередь хочется проникнуть в сознание человека и понять, почему он поступает так, а не иначе. Я глубоко убежден, что именно стереотипы поведения, продиктованные теми или иными представлениями, обуславливают специфику движения истории в определенный период. Люди всегда поступают так, как им кажется «правильным». Но каким образом они получают это сомнительное понятие «правильности»?

Чтобы разобраться в этом, нужно внимательно проанализировать, как они сами мотивируют свои поступки. Большинство мотиваций в так называемое домодерное время (то есть до рубежа XVIII – XIX столетий) на современный взгляд кажутся странными или, по крайней мере, нелогичными. Например, никто сегодня не считает, что абсолютным регулятором поведения должны служить категории «чести», что «верность» патрону выше преданности родине и народу (а что такое «народ», тогда вообще никто еще не знал), что лишь семейно-родовая солидарность обеспечит человеку и спокойствие, и уважение в социуме, что религиозность

есть обязательная примета «хорошего человека», что блага своей душе на том свете он скорее достигнет, если его тело будет погребено «рядом с предками» на семейном кладбище, и тому подобное. Эти поведенческие стереотипы стали понемногу расшатываться уже в Новое время, потом все это усугубилось в XIX столетии с появлением разночинцев. А окончательно их развеяли две ужасные войны на уничтожение, нацизм и советский тоталитаризм, целенаправленное истребление целых народов, чистки инакомыслящих.

В Советском Союзе это дополнилось еще и принудительной «коллективизацией» – от быта до так называемой общественной жизни, когда все были обязаны «ходить в ногу», говорить только то, что нужно, и думать одинаково. Большевицкий эксперимент над «человеческим материалом» не оставил и следа от старых поведенческих стереотипов, которые еще кое-где тлели в сельских общинах.

В течение последних десятилетий, после так называемого антропологического поворота в историографии, проявилась приоритетная историческая заинтересованность: что же окружает человека, что он делает, ест, как работает, чем болеет, как организует свой быт, семейную и сексуальную жизнь. Эти проблемы считаются «повседневной историей». Ранее это было делом этнологов, а теперь банальная каждодневность набирает все большую популярность среди исследователей. Когда в 1984 году по курсу «Истории СССР» в университете нужно было написать реферат, я выбрал тему

о Лже-Дмитрии, которого давно считаю настоящим Рюриковичем – последним – на московском престоле. Мой преподаватель Вячеслав Мордвинцев прочел реферат с удовольствием, но отметил, что так историки не пишут. Я это запомнил. Большинство моих коллег, увлекшись принятыми в советской историографии «социальными волнениями», писали скучно, а мои книги покупают и читают с удовольствием.

Рассмотрим еще один из участков науки, ставший в последнее время особо популярным – «историческая память». Его целью является изучение «памяти общественности», а конкретнее того, как образ прошлого утверждается и воспринимается в коллективном сознании определенной общности: посредством мемориальной практики, искусства, памятников героям или определенным событиям, названиям улиц; учебной литературы и так далее. Отдельным аспектом таких исследований является сознательная корреляция такой «памяти» с учетом сегодняшних потребностей со стороны государства или «глашатаев» соответствующей идеологии. Пример – особенно яркий и сохранившийся в нашей памяти, – идеологическая политика Советского государства. Но не только это, достаточно примеров мы находим вокруг себя и сегодня.

И наконец, за последние десятилетия очень возрос интерес к развитию религиозного сознания человека. Представьте себе, сколько тут можно сочинить сюжетов, причем на разном материале, с использованием многочисленных конфес-

сиональных сред. Поклонения чудотворным иконам и реликвиям, изменения в проповедничестве, география паломничества, трансформация теологических доктрин в восприятии мирян, реакция официальной церкви на нужды времени и, наконец, демонология и вера в сверхъестественные явления.

И самое важное: существует «две истории». Первая, академическая, не обязанная служить никому и ничему, ни воспевать, ни пропагандировать. Другая – популярная, и именно ее время от времени мы видим в киноверсиях, в художественной литературе, театре, на страницах газет, а особенно в выступлениях политиков... При этом важнейшее пожелание составителям учебников – социализировать ученика в школе, то есть без лишних сложностей рассказать ребенку, гражданином какой страны он является, к какому народу принадлежит, какими были трагические и славные страницы истории этого народа и тому подобное. Именно из «школьного продукта» формируется каркас, который позже будет обрастать деталями и нюансами в упомянутой выше популяризации «нашего» прошлого, а отсюда – содействовать утверждению национальной идентичности. Но хочу заметить: сегодня академическая наука служит власти, а популярная, бывает, иногда и народу.

В последнее время особенно остро ставится вопрос: на каком языке писать книги по истории. Я предпочитаю писать на русском языке, но не потому, что я им владею лучше.

Главное то, что люди, живущие за пределами нашей страны, лишены возможности познакомиться с нашей истинной историей. Их пичкают сотнями книг, где все, что касается Украины, изложено лживо и тенденциозно! И как же им узнать правду о нашей стране, о ее истории и людях? О гетманах за последнее время написано немало, а вот о литовско-русских князьях, духовных святителях и просветителях в Украине почти ничего нет. Только издательство «Балтия-друк» заполняет эту пустоту.

В книгах, которые повествуют об эпохе XIV – XVII веков совсем мало страниц. И не потому, что недостаточно сведений, а скорее всего потому, что как-то неудобно писателям XIX века и историкам прошлого столетия вспоминать о литовско-русском периоде. Дело в том, что ученые имперские... неважно какой империи, российской или советской, не очень любили излагать истории народов, которые по культуре, образованности и по своему государственному строю были более прогрессивными и развитыми.

Когда московские князья, чтобы получить ярлык на правление, целовали сапоги монгольских ханов, поляки, русские и литовцы строили мощное государство и, не побоимся сказать, создали настоящую шляхетскую республику – Речь Посполиту, в которой право голоса и выбора руководителя имело 10 % всего населения. А это немало! Сейчас, в начале XXI века, не все европейские государства могут этим похвастаться. Немного позже опишу этот период более подробно.

К тому же вульгарная историография, утверждавшая, что социализм и коммунизм в стране можно построить и во враждебном социально-идеологическом окружении, старалась не упоминать эти «неудобные» государства. СССР, по их мнению, был островом, вокруг которого бушевал безбрежный, чуждый и темный океан. Поэтому, обучаясь на историческом факультете Киевского университета, я был несказанно удивлен тем, что историю Вавилона и шумеров мы изучали, а вот историю Польши, Белоруссии – нет! При этом два года нам читали курс о Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), не углубляясь в причины – почему во всех странах были коммунистические партии, а в Польше – нет. Это тема другой книги, а вот причина ясна: польскую компартию ликвидировали и исключили из Коминтерна в 1939 году, как раз перед нападением нацистской Германии и Советского Союза.

Доктор исторических наук Виктор Брехуненко считает, что всё, связанное с литовским периодом в Украине, а также украинские города, получившие Магдебургское право, род Острожских, личность князя Свидригайло требуют не только тщательного освещения, но и знакомства с ними как можно более широких слоев населения нашей страны.

Задача этой книги – хотя бы вкратце рассказать об этом важнейшем периоде становления нашего государства. В ней есть разные страницы, без которых все равно не обойтись – это имело место. Те, кто получал образование в советских

вузах, прекрасно научились пропускать мимо ушей, а тем более сознания, нудно-беспользные сведения. Но тут другое. Как говорится, «каждому свое». Мои книги написаны для читателя, мыслящего широко, но при этом читающего узкоспециализированные материалы. В этом томе можно пролистывать скучные, непонятные страницы, и при этом не потерять нить изложения. Так построена эта книга, в отличие от занятого детектива, где пропустишь какую-нибудь реплику... и не поймешь, кто убийца.

В соответствии с советской историей Киевская земля стояла как одинокий воин, в ней ничего не было – ни торговли, ни сбора урожая, ни образования, ни вероисповедания – безлюдная пустыня. То есть историки примеряли на соседние страны свой московский «тришкин кафтан». Как в свое время Япония, на московскую землю не пускали иностранцев, еще раз подчеркиваю – иностранцев, немцев, которые лопочут на своем непонятном языке... Тут хочется вспомнить высказывание одного из моих туристов, который из России попал ко мне на экскурсию по Парижу. Он заявил: «Какие они тут тупые! Второй раз в Париж приезжаю, и никто из них не понимает по-русски!» Но Япония, ограждаясь от чуждого ей влияния, при этом обладала мудрой, национальной культурой и сложившимся укладом. В Московии на дух не принимали Запад, даже врачей, которые редко прибывали к ним, при первой же неудаче топили в Москва-реке.

Не знаю, увидели ли вы отблески возможного будущего

вашей страны в этих абзацах. Наверное, вы увидите больше различий, чем сходства. Но ведь это только сегодня. Конечно, история повторяется выборочно, и вполне возможно, что через 100 лет в нашем регионе всё будет совершенно по-другому. Хотя, опять же возможно, что сам вопрос «Как же оно будет?» не так уж и важен. Пожалуй, гораздо более принципиальным сегодня является вопрос «А как бы мы хотели, чтобы оно было?»

И эта книга, в первую очередь, для российской интеллигенции, которая желает понять, как появились украинцы, белорусы и русские. Когда у этих народов появился свой язык. А то можно услышать, как директор российского института стратегических исследований Леонид Решетников публично заявил, что нет никакой независимой страны Белоруссии. Он также усомнился в том, что Белоруссия может быть независимой от России, и заявил, что белорусский язык был создан в 1926 году по решению советских властей. Абсолютная историческая, да и умственная «дремучесть» этого генерала подтверждает, что он не знал о существовании Великого княжества Литовского, поэтому и говорил о «литвинских князьях».

Киев под Литвой

Человек всегда заботился о потомках. Яркая, наполненная событиями жизнь не должна была исчезнуть из памяти вместе со стремительным бегом времени. Еще с библейских времен сознание людей будоражила мысль о необходимости передать в будущее накопленный опыт, донести до следующих поколений важные, ключевые события прошлого. Письменными мостиками, соединившими прошлое, настоящие и будущее, стали погодные записи, выполняемые монахами.

Анналы, хроники и летописи в своем названии уже несут отпечаток времени. «В лето...» начинаются статьи русских летописей, латинским Anno(в год) – записи в анналах, а от слова год ведут название польские рочники. Обогащенные пространными описаниями, легендами и поучениями анналы средневековья получили название «хроники» (от греческого «хронос»). Средневековые хроники подводили к современности постепенно, традиционно начиная историю мира с библейских времен. Для убедительности датировались легендарные события, и отечественная история естественно вплеталась в широкую канву всеобщей. В недрах прошлого, вплоть до Святого Письма, летописцы-хроникеры отыскивали прародителей правящих династий. Народы и вновь сформированные государства получали своих легендарных основателей. Родоначальником римлян признавался Ромул, по-

этому памятники волчице, вскармливающей Рема и Ромула, украсили Бухарест и Кишинев, чтобы окружающие народы знали, что румыны и, соответственно, молдаване – потомки римлян, и не только по гордому профилю!

У всех народов был, по мнению летописцев, свой предводитель и родоначальник: паннонцы ведут свой род от Пана, славяне – от Слава, чехи – от Чеха, лехиты (то есть поляки) носили имя праотца Леха, и так далее. Имена мифических героев – Кия, Крака, Вара и Савы – превращались в топонимы, обосновывающие исторические права народов на занятые территории. Описание прошедших времен заимствовалось как из сочинений античных и христианских авторов, так и из трудов предшествующих хронистов.

Если в предыдущем томе я чаще останавливался на летописях, то в этом – больше на литовских и польских хрониках. В конце XIII – XIV веке стали складываться предпосылки для формирования двух государств – Польши и Литвы. Киевская Русь ушла, не оставив завещания! ПОЛИТИЧЕСКОГО завещания, но на ее духовности и культуре воспитывались – не одно столетие – окружающие и жившие на ее земле народы. Ее славная история, воспетая достоверными летописями и мощной литературой, и сейчас показывает всему миру высокий цивилизованный уровень Руси. Так, памятник святому князю Владимиру в центре Москвы говорит о мощи наших истоков. Хотя историческая обоснованность сооружения этого монумента где-то на уровне «киши-

невской волчицы».

Изучение памятников славянской средневековой исторической мысли чрезвычайно плодотворно. Сохранившие драгоценные зерна исторической правды анналы, жития, летописи и хроники позволяют проникнуть в мир представлений и ощущений средневековых авторов. Они дают возможность почувствовать пространственную и духовную мощь той общности, которую именовали славянством. Польские, чешские и русские средневековые источники демонстрируют убедительные примеры осознания славянскими народами своего этнического и территориального единства, сходства в происхождении, судьбах и путях развития государственности. И так много общего в менталитетах народов, проживающих на территории современных стран – Украины, Польши, Литвы и Беларуси, – что мне, автору, представляется, что в обозримом будущем эти государства будут строить свое развитие и процветание в конфедерации, как недавно Бенилюкс и давным-давно – Речь Посполита, о которой много сказано-пересказано в этой книге! Ведь это было одно из крупнейших и мощнейших государств средневековой Европы. Пора приступить к изложению.

Киевская Русь стояла, как витязь на распутье: в какой народ определится, кем стать: Украиной, Белоруссией, Россией? Вот об этом выборе ПУТИ и будет книга. Выбор и дороги и в нашем XXI столетии так трудны, как и тысячелетие тому назад. И сегодня, когда я пишу эти строки, жители и гости

моей прекрасной Украины полностью не определились: куда идти?.. И далеко не у всех есть жизненный опыт, основанный на знаниях прошлого! Такой, какой имеет автор! Я-то четко знаю: только на Запад, к Европе, в которой мы уже давно! И не столь географически, сколь духовно! Этот путь выбрали наши предки семь веков назад, тяготея не к Орде, а к Литве и Польше. И через СТОЛЕТИЕ ощутили почувствовали разницу, таки да, как сейчас говорят в Одессе: «Это две большие разницы». Кстати, Одессу основал литовский князь! Но об этом позже.

Киевскую Русь начали расшатывать и разрушать задолго до монгольского нашествия, в первую очередь, северо-восточные соседи – владими́ро-сузда́льские князья – Юрий Долгорукий и его дети-внуки-правнуки... Их главной целью было лишить величия, ослабить, ограбить, разрушить Мать городов русских! Создать свою Владимирскую Русь!

Советские историки и их идейные последователи описывали жизнь страны после сожжения Киева Батыем как какого-то государства Маврикий, находящегося на далеком от всех влияний острове. Причин этого безобразия было немало, но преобладала неграмотность специалистов и нежелание делать научно обоснованные обобщения.

Период, когда Украина находилась в составе Великого княжества Литовского – многонационального государства, поднявшегося на руинах Киевской Руси, – нередко называют неизвестными, «темными веками» отечественной исто-

рии. Это и является главным парадоксом украинского средневековья: имея довольно целостное и многомерное представление о древнерусском периоде, мы слабо ориентируемся в событиях более близкого к нам времени. Тут немало причин. Одна из них – прерывание собственной летописной традиции в конце XIII века. Из-за этого последующие столетия очень плохо поддаются реконструкции и, как следствие, описанию. Тем более что в советский период господствовала московскоцентристская схема исторической эволюции народов, которые проживали и развивались на территории СССР. По ней истоки Советского Союза нужно искать в царстве Урарту. Соответственно, подобный подход не стимулировал объективный анализ процессов, происходящих на территории Литовского княжества – полиэтнического и поликонфессионального государства, свободного от религиозной нетерпимости, любых форм ортодоксии, с широкой региональной автономией и гарантиями личных и сословных прав.

Великое княжество Литовское (далее ВКЛ) – государство, существовавшее с XIII века по 1795 год, с 1395 года находилось в персональной или династической унии с Польшей, а с 1569 года в федерации с Речью Посполитой. До XVI века Литовское княжество, с площадью 1 млн км², охватывало Литву с Клайпедским краем, Беларусь, большую часть Украины, часть территории России, Польши и Молдавии. Тогда на этой территории проживали 2 млн человек: литовцев (20 %) и русинов (80 %), то есть белорусов и украинцев, говорящих

на русинском (протоукраинском и протобелорусском) языке. ВКЛ до XIV века – это ранняя (патриархальная) монархия, потом до XVI века монархия с институциями олигархического правления.

Считается, что литовские племена принадлежали к семье индоевропейских народов. При этом их язык по грамматическому и лексическому строю является более древним, чем другие европейские языки. Литовцы в большей мере, чем другие народности, сохранили особенности праязыка, от которого пошли индоевропейские наречия. Первые известия о литовцах датируются II в. н. э. В XI веке в отечественных летописях было много свидетельств о ятвяхах, южном литовском племени. Лесистый и болотистый край, где селился этот народ, отразился на его характере. Даже в сказаниях говорится, что яги (так в летописях называли ятвягов) употребляют в пищу человеческое мясо, порубанное мечом. Такая еда носила ритуальный характер. У них существовал матриархат – отсюда, считают, пошло сказочное имя Баба-яга.

Князь Миндовг. Гравюра XIX в.

По свидетельству летописей, литовцы появились «из болот и лесов» лишь в конце XII века, а первый договор между их вождями и волынскими князьями зафиксирован в 1219 году. Из этого следует, что Литва – конфедерация земель, во главе которой стояли пять старших князей. Через несколько десятилетий один из них – Миндовг – стал единоличным правителем. Он поступил весьма коварно: предложил племянникам пойти войной на Русь, чтобы, воспользовавшись их отсутствием, захватить земли и имущество. Так Миндовг стал полным властелином, но этого ему было недостаточно. Учитывая разрушения и сумятицу, возникшую в результате нашествия монголов, он занял Черную Русь – область правых притоков Немана с главным городом Новгородком, ставшим основным местом его пребывания. В Черной Руси он черпал немало сил для борьбы за единоличную власть – так государство изначально стало литовско-руським. В 1253 году Миндовг крестился и стал королем.

Коронация Миндовга. Гравюра из книги Леонарда Ходько «Полония», 1824 г.

Этот исторический период был непродолжительным: проявив непокорство, короля убили князья. Потом заговорщики, расталкивая друг друга, поспешили занять освободившийся трон. Власть в Литве захватил князь жмудский Тройнат. Он пригласил в Литву Товтилу Полоцкого, якобы разделить владения, а на самом деле с надеждой его устранить. Но и у того имелись аналогичные планы в отношении напарника. Сначала удалось ликвидировать Тройната, а вскоре и То-

втила был умерщвлен конюхами Миндовга. Власть в стране взял сбросивший духовный сан сын Миндовга – Войшелк. И ему Черная Русь служила опорой, поэтому князь поселил тут пруссов, прибежавших лично к нему. Еще довольно долго на Руси литовские князья получали больше поддержки извне, чем среди соотечественников. В Литве было немало местных вождей-царьков, жаждущих захватить власть. Русь давала в их распоряжение военный люд, привыкший находиться в определенных и постоянных служебных взаимоотношениях с князем, а в боевой подготовке и храбрости не уступающий западному рыцарству. Симптоматично, но преемником Миндовга был его обрусевший сын – Войшелк, другим – родственник, князь Шварно Данилович (сын Даниила Галицкого).

Великий князь Литовский Войшелк. Гравюра XVI в.

Распоряжаться всей Литвой стал князь Тройден. В столкновениях с ливонскими немцами его воины не раз наносили им значительный урон. В Южной Литве Тройден продолжал поселять пруссов и бортов. Даже неугомонные ятвяги ему покорились, и он посылал их на поляков в составе большой рати под начальством своего брата Серпутия. Итак, княжество Миндовга оказалось прочным политическим объединением, ядром, вокруг которого складывалось обширное и мощное государство. Оно начало обрастать русскими землями, в первую очередь за счет полоцких владений. Потом наступило время и Витебского княжества. В начале XIV века Литва расширилась за счет Турово-Пинского Полесья и земли Берестейской, в западной части называемой Подляшьем.

Как происходило овладение Киевской Русью? Тут не подходят другие термины: захват, подчинение, присоединение. Именно овладение, так как литовские правители по всем статьям были лучше князей, служивших ханам Золотой Орды. Если в конце XIX века прорвавшиеся сквозь официальные рогатки историки стали говорить об относительной мягкости литовского правления, то советские ученые вообще замалчивали этот период. В учебниках по истории СССР Великое княжество Литовское не упоминалось. Была ли жизнь под Литвой в Украине легкой и беззаботной? Безусловно нет! И во время раннего средневековья в наших краях человеколю-

бие не было распространено. Византийские источники также не сообщают о миролюбии литовцев. Наоборот, говорят об «отважном, воинственном народе». Но, завоевав, вернее, отбив у Золотой Орды русские земли, они не меняли установленный там еще при Киевской Руси строй, а кое-где даже переняли формы общественного и государственного порядка, вплоть до языка и вероисповедания. В 1349 году княгиня Иулиания, дочь тверского князя Александра Михайловича, стала супругой Ольгерда. Митрополит Евгений (Болховитинов) пишет, что Иулиания обратила литовского князя в православие, а после кончины его в 1392 году в Киеве постриглась в монахини. Тело ее погребено в Печерских Ближних пещерах.

С 1340 года в Галицко-Волынском княжестве правит сын Гедимины Любарт. Ольгерд, после победы над Золотой Ордой под Синими Водами, в 1361 году занял Киев и поставил правителем своего сына Владимира. В Чернигове правил другой его сын, Корибут, а на Подолии – дети Ольгердова брата – князя новгородского Кориата. Однако в течение всего XIV века в отдельных княжествах еще оставались монгольские баскаки. Гедимин и Ольгерд хоть и занимали часть русских земель, но все равно вынуждены были платить за нее дань Золотой Орде.

Литовские князья попали под духовное влияние более развитого народа. На то время потенциал собственного был невелик, поэтому принималось православие, язык, литера-

тура, зодчество и искусство южных соседей. А те, имея более тесные контакты с Византией, были духовно богаче, чем поляки, германцы, а тем более рыцари всевозможных западных орденов, предпочитающие меч гусиному перу. В Европе на то время грамотным было лишь духовенство, писавшее и проводившее церковные службы исключительно на латыни. Вот тут и понадобились правителям грамотные канцеляристы, да и церковную службу проводили православные священники.

Князь Любарт. Гравюра XIX в.

Когда по вопросам своей коллекционной деятельности я бывал в Литве, то подружился с несколькими Гедими́насами. Это имя там очень распространено. Поэтому хочу рассказать о замечательном князе, носившем это имя, о котором в Украине мало кто знает, хотя династия Гедиминовичей была не менее родовита, чем Рюриковичи.

Гедимина (1316–1341) называют новым «собирателем» Литовского княжества. Фактически он, а не его отец Лютувер, положил начало новой литовской династии, которая вошла в историю как Гедиминовичи. Придя к власти, он присоединил к Литве Жемайтское княжество и Черную Русь. С 1316 года начался второй этап движения Литвы на русские земли, результатом которого стало создание из литовских и русских земель большого и сильного государства – Великого княжества Литовского. Гедимин был мудрым и отважным правителем, утверждают историки. Он, сразу же ощутив главную опасность для своего государства, исходившую от немецких рыцарей и Московского княжества, в первую очередь занялся укреплением территории.

Князь Гедимин. Гравюра из «Описания Европейской Сарматии», 1578 г.

Вслед за Жемайтией и Черной Русью он присоединяет новые русские земли, забирает Минскую, а затем Турово-Пинскую, Берестейскую и Дорогочинскую земли, распространяет свою власть на северную Киевщину. Собирая земли в единое целое, к концу своего правления он создал крупное Литовско-Русское государство, две трети которого составляли русские земли. Он подчинил все западные и юго-западные земли Руси, и границами его государства на востоке стали

Смоленское и Черниговское княжества, на юге – Волынское. Во владения короля (так именовал себя сам Гедимин) Литовского и Руського Гедимина добровольно вошли ряд княжеств Руси от Полоцка до Киева.

Гедимин перенес свою столицу из Новгородка в Вильно, который построил в долине между горами на берегу реки Вилии, притоке Немана, на холме Свентарозе – месте языческой литовской святыни. Здесь, в дубовой роще, горел неугасимый священный огонь «Знич», здесь обитал старейший жрец Литвы Криве-Кривейте, здесь кремировали знатных литовских правителей. Гедимин до конца своей жизни строго придерживался язычества, хотя к другим религиям относился терпимо. Поэтому в новой столице с капищем Перуна соседствовали православный и католический храмы. В окружении Гедимина было немало русов, которые занимали влиятельные должности и участвовали в управлении государством. Сам князь был женат на русской, русскими были и его невестки. Для защиты Литовско-Руського государства от воинственных соседей он строил замки и крепости, хотя литовские дружины предпочитали и сами нападать, вооруженные современным оружием, захватывая вражеские города с применением осадных орудий.

Гедимин, как умный политик и дипломат, широко использовал династические и родственные связи. Имея от трех жен пять дочерей и семь сыновей, он отдавал их замуж и женил на детях правителей соседних королевств и княжеств. Стар-

шая его дочь, Елизавета, была замужем за Ваньком, князем Мазовецким, следующая по старшинству – Альдона (Анна) – за польским королем Казимиром Локетком, третья Евфимия (Офка) – за Юрием Тройденовичем, князем галицким, четвертая – Аугуста (Анастасия) – за великим князем московским Семеном Ивановичем и пятая – Мария – за Дмитрием Михайловичем, тверским князем. Любимый его сын Ольгерд был женат на витебской княгине Марине Ярославне, а Люберт – на дочери Юрия II Галицкого – Ольге. И только Кейстут был женат на дочери жмудского Видимунта. Своей брачной политикой Гедимин похож на Ярослава Мудрого, хотя династические браки были широко распространены повсеместно.

В управлении своими обширными владениями Гедимин перенял многое от Киевской Руси, поделив свое государство между братом и семью сыновьями. Брату по имени Война достался Полоцк; старшему сыну Монвиду (Миндовгу) – удел в Черной Руси, севернее Волыни; Наримунту – Турово-Пинское княжество; Корнату – Новгородок (Новогрудек); Ольгерду – Витебское княжество, доставшееся ему как приданое вместе с витебской княжной, и удел в Литве с городом Крев и с землями до Березины; Кейстуту досталась Жмудь; Любарту – Волынское и Луцкое княжества. Такое разделение, принятое и в Киевской Руси, позднее чуть не окончилось развалом государства.

Явнут, самый младший сын, не получил удела по причине

молодости при жизни отца, зато после его смерти получил Вильно с прилегающими к нему землями и титул великого князя литовского.

Погиб Гедимин в 1341 году во время осады замка Бабенбург – он был смертельно ранен пушечным выстрелом. Несмотря на смерть великого князя, замок был взят его войсками.

При сравнительно легкой экспансии Литвы на восток и юго-восток Гедимину приходилось сдерживать нарастающий напор с Запада со стороны Тевтонского и Ливонского рыцарских орденов. В 1345 году над Литовско-Руським государством нависла огромная опасность, когда ряд европейских государств начали собирать против Литвы военную коалицию. В Пруссию съехались их правители и заключили союз с целью организации крестового похода на Литву. В союз вошли: Иван, король Чешский; Людовик, король Венгерский, герцог Бургундский и герцог Бурбон; графы Голландский, Нюрнбернский, Шварцбургский; из Моравии прибыл также герцог Карл Люксембургский, ставший позже императором Карлом IV. В это тревожное время умирает вдова Гедимины. Вильно остается за великим князем, младшим из Гедиминовичей Явнутом, который не способен был организовать сопротивление опасному врагу. Видя это, два его брата – Ольгерд и Кейстут – изгоняют «никчемного» Явнута из Вильно и объявляют Ольгерда великим князем. Пришлось Явнуту с немногочисленной свитой бежать в Москву.

В отличие от Рюриковичей, Гедиминовичи ощутили необходимость в единстве действий и общем руководстве, поэтому восстановили власть великого князя, которому все были обязаны подчиняться. Это осознали и осуществили два самых одаренных и могущественных сына Гедимина – Ольгерд и Кейстут. Как писал первый историограф Великого княжества Литовского Матей Стрыйковский, *«братья превосходили других воспитанием, правом, статностью, прирожденным рыцарским мужеством и многими другими знатными качествами, и потому они более других братьев любили друг друга»*. Оба отличались политическим здравомыслием, военными талантами, а главное, дружили между собой, хотя и имели совсем разные характеры. Кейстут «волею своей» правил в Трокском княжестве, а это Городенская, Берестейская, половина Новгородской земли, Подляшье (современное Белостокское воеводство в Польше) и Жемойтия (северо-западная часть современной Литвы).

Если Ольгерд отдавал первенство политике объединения восточно-славянских земель, то на долю Кейстута выпала нелегкая миссия сдерживать наступление крестоносцев Тевтонского ордена.

Орденские хроники рассказывают много о героизме и мужестве князя Кейстута, признавая его рыцарское благородство. Как свидетельствует орденский хронист, Кейстут был *«муж воинственный и правдивый. Когда он задумывал набег на Пруссию, то всегда заранее извещал об этом маршала Ордена и после обязательно являлся. Если он заключал мир с магистром, то соблюдал его крепко. Если он считал кого-либо из братьев нашей человеком храбрым и мужественным, то оказывал ему много любви и чести»*.

Польский хронист Ян Длугош также отмечает честность и благородство князя: *«Кейстут, хотя и язычник, был муж доблестный: среди всех сыновей Гедимины он отличался благородием и находчивостью, и, что более всего делает ему честь, он был образован, человеколюбив и правдив в словах»*. Так что и в те жестокие времена Кейстут показывал примеры благородства и гуманности.

В молодости Кейстут встретил в Паланге девушку неземной красоты. Легенда рассказывает, что, пораженный ее прекрасным обликом, он соскочил с коня, подошел к ней, взял за руку и сказал: «Не знаю, кто ты – богиня ли с неба или

девушка. Если ты – земное создание, будь моей женой. Я – жемойтский князь, но с этого времени буду вернейшим тебе мужем и слугой». Девушка гордо ответила: «Даже если б я и хотела, то не могу исполнить твою волю, князь. Я – жрица и дала обет богам не иметь мужа». Но страсть ослепила Кейстута. Нарушив религиозный запрет, он силой увез жрицу в Трокский замок и женился на ней. Княгиня Бирута родила Кейстуту шестерых сыновей: Витовта, Патирга, Бутовта, Войдата, Товтивила и Жигимонта, а также четырех дочерей. Но лишь одному из многочисленного потомства Кейстута довелось славными деяниями вписать свое имя в историю – Витовту, которого называли великим.

Ольгерд – великий князь литовский

Великий князь Литовский Гедимин имел семерых сыновей: Монтвида (ум. 1340), Наримунта (1277–1348), Ольгерда (1296–1377), Кейстута (1298–1381), Кориата (ум. 1390), Любарта (1312–1397) и Явнута (Евнутия) (1317–1366). Официальных жен у Гедимины было две. По одной версии, первой женой была Винда, дочь жмудского бортника Виндиминда, а второй – Ольга Всеволодовна, княжна Смоленская (или Ольга Глебовна, княжна Рязанская). По другой – первой женой была Ольга Всеволодовна, княжна Смоленская, а второй – Евна Ивановна Полоцкая.

Нетерпеливый читатель спросит, а какое отношение к войнам имеет этот длинный, кажущийся излишним перечень родственных связей? Увы, без знания родословных правящих династий нельзя разобраться в большинстве феодальных войн: той же Столетней войне, Войне Алой и Белой розы в Англии, гражданской войне в Московии времен Василия Темного и всех остальных.

И еще для оживления сего повествования – пример важности династических браков. И пусть эти события происходили вдали от Киева, но они характерны для той эпохи. И для более поздних тоже!

Шекспир ошибался: повесть печальнее, чем о Ромео и Джульетте существует. Главная же печаль в том, что она ре-

альна.

У короля Португалии Афонсу IV Храброго в 1320 году родился сын. Звали его Педру. Именно он и стал героем самой драматической истории любви. Когда Педру исполнилось 14 лет, отец решил женить его на испанской принцессе Констанции. Все бы ничего, но юноша был влюблен в одну из ее фрейлин – белокурую девушку по имени Инес де Кастро. На первом месте у принца стоял долг, а не чувства. Поэтому, повинувшись отцу, он женился на Констанции. Впрочем, этот союз не помешал ему параллельно строить отношения с обожаемой фрейлиной. Когда же через десятилетие его законная супруга преждевременно оставила этот мир, принц и вовсе посчитал это благословением на любовь.

Педру не скрывал свои отношения с фрейлиной, чем невероятно злил короля, который планировал для сына второй династический брак. Афонсу IV, чего бы это ему не стоило, был намерен разлучить влюбленных. Пока король думал, как организовать новый брак, пара начала жить вместе. Инес успела родить принцу четырех детей. Удивительно то, что в отличие от законного сына Педру, дети Инес росли здоровыми. Этот факт также волновал Афонсу IV, который заботился, чтобы будущий наследник был достойным претендентом на престол, а не полукровкой. Желая защитить династию, он решил заключить Инес в тюрьму. Фрейлина просила пощадить ее. Она была готова на пожизненную ссылку, лишь бы ее детей и, кстати говоря, его внуков, не оставля-

ли без матери. Однако король был непреклонен – женщину убили на глазах у детей.

Педру был в ярости. Конфликт повлек за собой двухлетнюю гражданскую войну, где принц стал зачинщиком раскола, выступив против своего отца. Точка в споре была поставлена в 1357 году – Афонсу IV скончался и королем Португалии стал Педру. Первым делом он нашел убийц своей возлюбленной и наказал их: по обвинению в бессердечии их в прямом смысле этого слова лишили сердец. Дальше было безумие: новоиспеченный король приказал достать из могилы тело Инес и усадить на трон как королеву. Все придворные были обязаны целовать руку трупа.

Позже Педру все-таки похоронил возлюбленную в церкви монастыря Алкубаса. Напротив был сделан еще один саркофаг, в который после смерти положили самого Педру.

В Литве тот факт, что у Гедимины одна или обе жены были русскими, означает, что он принял православие: выдача замуж княжеской дочери за язычника на Руси была невозможна. Другой вопрос, что Гедимин и его потомство – тот же Ольгерд – относились к смене вероисповеданий очень спокойно и делали это по мере надобности. Даже в веронетерпимой Западной Европе Генрих IV во всеуслышание заявил: «Париж стоит мессы!», переходя из протестантизма в католичество. Нужно жениться или заключить союз с соседом – выполняли христианские обряды; нужна военная поддержка местной знати – начинали публично исполнять языческие

обряды. Формально все сыновья Гедимины были крещены и имели православные имена. Так, Наримунт был Глебом, Ольгерд – Александром, Кориат – Михаилом и так далее. Немцы уже с XIV века называли Вильно «русским городом», а польские хронисты – «столицей греческого [православно-го] отщепенства».

Большинство сыновей Гедимины женились на русских княжнах. Их потомки становились родоначальниками княжеских династий и боярских родов, представители которых служили как польским королям, так и московским великим князьям. От Монтвида-Гедимины пошли такие известные на Руси фамилии, как Хованские, Корецкие, Голицыны, Куракины, Булгаковы, Щенящевы. От Ольгерда – князя Чарторыйские, Несвижские, Трубецкие, Вишневецкие...

В 1340 году умер великий князь Гедимин. Вопреки феодальному праву его место занял младший сын Явнут (в русских летописях Евнутий). По сведениям литовского летописца, старшие братья Ольгерд и Кейстут вступили в сговор, чтобы выгнать брата из Вильно. Однако Ольгерд, шедший из Витебска, опаздывал, и Кейстут один напал на Вильно и ворвался в город. Явнут бежал, но отморозил ноги и попал в плен. Его доставили к Кейстуту. Когда же прибыл Ольгерд, Кейстут сказал ему: *«Тебе следует быть великим князем в Вильне, ты старший брат, а я с тобою буду жить заодно»*. Ольгерд стал княжить в Вильно, а Явнуту дал Изяславль. Потом братья Ольгерд и Кейстут условились, что если добудут

город или волость, все делить пополам и «жить до смерти в любви, не мыслить лиха одному на другого». Оба брата сдержали клятву.

По словам же московского летописца, Ольгерд и Кейстут внезапно напали в Вильно на своих братьев Наримунта и Явнута. Наримунт бежал в Орду, а Явнута – в Псков, оттуда в Новгород, из Новгорода в Москву, к преемнику Ивана Калиты князю Симеону Гордому. В 1346 году Явнута был крещен и назван Иваном.

Ольгерд по натуре был сдержанный и предусмотрительный, никого и никогда не посвящал в свои планы. Кейстут, оставаясь язычником, тем не менее постоянно контактировал с Западом, усвоил многое из их образа жизни, особенно рыцарства. Крестоносцы, как уже было отмечено, его уважали, считали честным и мужественным воином. Тому было несколько примеров. В 1366 году между Кейстутом и маршалом Ордена было договорено о встрече в глубине территории Пруссии в г. Инстебурге. Проявив вероломство, крестоносцы расположили неподалеку сильный отряд. В стан Кейстута, находившегося уже вблизи Инстебурга, внезапно вбежал раненый стрелой зубр. Тогда мудрый князь обратил внимание свиты, что там, откуда бежал зубр, находятся вооруженные люди. Не задерживаясь, отряд литовца вскочил на коней и направился по следу зверя. Они застали отряд крестоносцев врасплох, и, хотя рыцари успели-таки поднять цепной мост, солдаты были перебиты, а лошади отряда захвачены.

Оттуда Кейстут направился к месту встречи, во время которой один из переговорщиков вдруг нарушил торжественность момента, раздраженно заметив, что князь и его свита сидят на конях, принадлежащих ему. И тут, поняв, что его коварный замысел раскрыт, в сердцах закричал: «Этого я совсем не ожидал!» На что Кейстут ответил с иронией: «Что делать, такие времена и нравы!» Через 15 лет, когда Ягайло заключил тайный договор с Орденом, имевший целью лишить удела и власти престарелого Кейстута, командор Августин фон Либенштейн счел своим долгом предупредить старика о заговоре.

При совместном правлении Ольгерда и Кейстута два этнических элемента – Русь и Литва – свободно развивались и благоденствовали. Немецкие источники дают обоим братьям титул царя (rex), а взаимоотношения определяют следующим образом: Ольгерд – правитель государства, а Кейстут – главнокомандующий вооруженных сил. И это было оправдано, так как полстолетия шла борьба крестоносцев с Литвой и Жмудью. Она была тяжелой, но захватчики не могли победить народ, возглавляемый их любимым вождем Кейстутом.

Предоставив Кейстуту право защиты границ от крестоносцев, Ольгерд старался собрать под своим крылом как можно больше Русьской земли, присоединяя к Литве Брянск, Новгород-Северский, Киев, Подолию. Он стремится повлиять на Псков, Новгород и Смоленск, ведя продолжительные войны с московскими князьями. Ольгерд симпатизировал

Руси, она была ему близка по вере, привычкам и, особенно, по семейным связям. Он стал мужем витебской княжны Марии Ярославны, переселился к ней, а после смерти тестя княжил в Витебске. После ее кончины в 1350 году женился на княжне Ульяне (Иулиании), дочери Александра Михайловича Тверского (впрочем, об этом уже упоминалось). Из 12 сынов Ольгерда 10 были крещены по православному обряду. Вся семья великого князя молилась в придворной виленской церкви, где служили монахи Киево-Печерского монастыря, а архимандрит Давид был духовником Ульяны.

Овладев Смоленском, Ольгерд направил свои силы на покорение Брянской земли. В стремлении объединить русские земли под своей властью литовские князья столкнулись с Москвой, которая также желала захватить эти земли, вначале не вступая в открытую вооруженную борьбу. Во-первых, сдерживала скудость средств, во-вторых, Московское княжество пользовалось покровительством Орды, да и Ольгерд был женат на свояченице великого князя московского Симеона Ивановича Ульяне. Активные военные действия начались лишь при Дмитрие Ивановиче из-за усобиц в Тверском княжестве.

Ольгерд. Гравюра XIX в.

Первый поход Ольгерда на Русь состоялся в 1341 году. Он подошел к Можайску, сжег посад, но взять город не смог. Через 8 лет Ольгерд послал своего брата Кориата к ордынскому хану Чанибеку просить у него помощи против Симеона Гордого. Московский князь, узнав об этом, послал сообщение хану: *«Ольгерд опустошил твои улусы (юго-западные русские волости) и вывел их в плен. Теперь то же хочет сделать и с нами, с твоим верным улусом, после чего, разбогатевши, вооружится и на тебя самого»*. Хан понял справедливость слов Симеона, велел схватить Кориата и выдать его московскому князю. На Ольгерда это подействовало, и он отправил в Москву послов с богатыми дарами, челобитной и просьбой освободить брата. В конце концов Симеон согласился.

Особую роль во внешней политике Литвы в XIV веке играло Великое княжество Тверское, с которым Литва имела почти стокилометровую границу. Ржева (Ржев), Зубцов и Холм были тверскими пограничными городами. Зимой 1320/21 года великий князь Тверской Дмитрий Михайлович Грозные Очи женился на дочери Гедимина Марте (Марии), а в начале 1351 года великий князь литовский Ольгерд попросил руки Ульяны Холмской, дочери великого князя Александра Михайловича, племянника Дмитрия Грозные Очи. Холмской ее прозвали, поскольку она жила при дворе своего брата Всеволода Александровича, удельного князя Холм-

ского, вассала великого князя Тверского.

Тем не менее мира между Литвой и Тверским княжеством достичь не удалось. В 1356 году литовцы захватили городок Ржеву. В том же году умер Василий Александрович Брянский, смоленский князь. Брянск тогда входил в состав Смоленского княжества, а кроме того, князь Василий Александрович имел на Брянск ярлык от татарского хана Ианнибека. Но Ольгерд, воспользовавшись смертью князя, внезапно напал на город и взял его. Иван, сын Василия Александровича, был взят в плен и увезен в Литву, где и умер (или был убит). Забегая вперед скажу, что отбить Брянск у литовцев удалось лишь через почти полстолетия Ивану III. Только через два года объединенное тверское и можайское войско (замечу, что можайский князь был вассалом Москвы), отбило Ржеву у литовцев. Но в следующем году сын Ольгерда Андрей вновь захватил город, управление которым приезжал контролировать его отец.

А теперь от Северо-Западной Руси мы обратим взоры на юг, к Киеву. Письменных источников, как уже упоминалось, рассказывающих о Киевской земле в XIV столетии, почти нет. Есть только краткие упоминания в отечественных летописях, что в 1331 году в Киеве правил князь Федор и там сидел татарский баскак. Литовские хроники молчат о Киеве, в подробном списке земель, разделенных в 1345 году сыновьями Гедимины, ни Киев, ни окрестные города не фигурируют. Из этого можно сделать однозначный вывод, что в

1330—40-х годах Киев Литве не принадлежал.

В составе Великого княжества Литовского было много областей с руським православным населением, да и многие литовцы, особенно в городах, приняли православие. Ольгерд, несмотря на свои связи с Западом, не собирался менять православную веру на католическую. Как писал академик Р. Г. Скрынников, *«когда к Ольгерду в Вильнюс явились послы с Запада и предложили ему принять католичество, они услышали насмешливый ответ: „Литва готова принять католичество при условии освобождения всех старых литовских земель, захваченных крестоносцами”*. Ордену *предложили переселиться на земли татарской Орды с тем, чтобы обратить в католичество татар, а заодно и русских»*. При Ольгерде около половины жителей Вильно были православными. Надо ли говорить, что он не желал иметь православное духовенство, подчиненное Москве, исправно платящей дань Золотой Орде.

Но вот весной 1353 года в Москве почти одновременно умерли от чумы князь Симеон Гордый и митрополит Феогност. Новый московский князь Иван II Красный решил поставить митрополитом племянника Феогноста Алексея родом из бояр Бяконтов, верно служивших Москве. Алексей, согласно обычаю, отправился в Царьград на утверждение к Константинопольскому патриарху. Но мудрый Ольгерд, как всегда, оказался проворнее и отправил туда своего кандидата Романа. По одной из версий, до пострига он был тверским

боярином. Роман прибыл к патриарху первым и был поставлен на Руськую митрополию. Причиной этого стали как дары литовцев, так и сведения, дошедшие в Царьград о том, что на Руси после смерти Симеона начались усобицы. Но вот приехал из Москвы Алексей, и греческое духовенство оказалось в затруднительном положении. Московские дары были богаче литовских, да и ссориться с Москвой явно не входило в планы патриарха. Поэтому он, недолго думая, поставил митрополитом и Алексея. *«Сотворился мятеж во святительстве, чего прежде никогда не бывало на Руси. От обоих митрополитов начали являться послы к областным владыкам, и была везде тяжесть большая священническому чину»*, — говорит летописец.

Когда Алексей прибыл в Москву, Роман отправился в Литовскую и Волынскую земли, но Алексей, посвященный в митрополиты Киевские и всея Руси, не мог отказаться от Киева и в 1358 году поехал туда. Когда же через год Алексей вернулся в Москву, Роман приехал в Тверь. Тамошний владыка (архиепископ) Федор не захотел даже видеть Романа, а князья и бояре, напротив, приняли его с почестями. Особенно привечал Романа холмский князь Всеволод Александрович.

В конце концов Алексей отправил послов в Царьград с жалобой патриарху на Романа. В июле 1361 года Святейший собор подтвердил права Алексея на Киев и отправил туда послов. Неожиданно Роман умер, и на этом церковные ма-

нипуляции Ольгерда прекратились.

Летописец в Густинском своде сделал запись за 1362 год: *«В лето 6870. Ольгерд победил трех царьков татарских и с ордами их, си есть Котлубаха, Качзая (Качбея), Дмитра, и оттоли от Подоли изгнал власть татарскую. Сей Ольгерд и иные Руськие державы в свою власть принял, и Киев под Федором князем взял, и посадил в нем Владимира сына своего, и начал на сими владеть, им же отцы его дань давали»*. Из этого текста явствует, что в 1362 году под урочищем Синие Воды рать Ольгерда разбила войска трех местных татарских князьков. Правда, тут возникают большие сомнения насчет третьего князька, Дмитра. Судя по имени, он был руським и скорее всего командовал не татарами, а киевской дружиной.

Замечу, что Ольгерд очень удачно выбрал время похода на Киев. Со смертью хана Бирдинбека в 1359 году в Золотой Орде началась *«большая замятия»*, как выразился летописец. Все двадцать последующих лет шла непрерывная междоусобная война, в которой участвовало не менее двадцати претендентов на ханский престол. Победа у Синих Вод позволила Ольгерду захватить Киев и посадить там своего сына Владимира. При этом Владимир Ольгердович сохранял вассальную зависимость от татар. Неопровержимым доказательством этого является татарская тамга на киевских монетах. На дошедших до нас монетах этого периода можно установить три или четыре различных типа тамги, что указывает на достаточно продолжительное время зависимости

Киева от ханов, поскольку тамга могла изменяться только со сменой ханов. Когда Киев избавился от татарской зависимости, точно неизвестно, но крайним сроком можно считать время нападения хана Тохтамыша (1395). Любопытна грамота крымского хана Менгли-Гирея (1466–1513), где говорилось: «...великие цари, дяды наши, и великий царь Ачжи-Кгирей [Хаджи-Девлет-Гирей], отец наш, пожаловали Киевом, в головах, и многие места дали великому князю Витовту».

О взятии Ольгердом Киева и присоединении его к Великому княжеству Литовскому в советских учебниках по истории (как школьных, так и университетских) говорилось коротко и невнятно. Мол, *«польско-литовские феодалы захватили русские земли, пользуясь раздробленностью северо-западных русских княжеств, находившихся под татаро-монгольским игом»*.

Между тем нельзя путать литовских князей XIV века с польскими панами XVII века. В XIV веке не было фанатичных ксендзов и их жестоких расправ над православными, поэтому население как в Киеве, так и в Брянске и Ржеве относилось к литовским воинам достаточно спокойно. Ну вошел в Киев православный князь Ольгерд-Александр с дружиной, которая более чем наполовину состояла из православных, а остальные были язычниками. Разбоя в городе не было. Владимир Ольгердович с дружиной охранял город, брал умеренную дань и особенно не вмешивался ни в хозяйские, ни в

церковные дела жителей города.

Заметим, что родной брат Владимира, Андрей Ольгердович, отправился в Псков и стал там князем. Конечно, статусы псковского и киевского князей различны, но данный факт показывает доброжелательное отношение русьских к литовским правителям.

Киевское правление, где всё шло размеренно и спокойно, не очень отвлекало князя Ольгерда от дел тверских. В 1367 году великий князь Московский Дмитрий Иванович (пока еще не Донской) начал притеснять великого князя Тверского Михаила Александровича, который не имел достаточных сил для борьбы и отправился к своему зятю Ольгерду за помощью. Отъездом князя воспользовались его вассалы – дядя, кашинский князь Василий Михайлович, и двородный брат, князь дорогобужский Еремей (Иремия) Константинович. Князь Василий с сыном Михаилом, князем Еремеем и *«со всею силою кашинскою и с полками московскими»* подступили к Твери и осадили ее. Взять город не удалось, но окрестности Твери на правом берегу Волги были основательно разграблены. Московская рать ушла, а через несколько дней явился князь Михаил Александрович *«с полками литвы»*. Он разгромил Дорогобужский уезд, сами князья бежали, а Михаилу удалось захватить в плен их жен, бояр и слуг. После чего тверской князь отправился со своей и литовской дружинами к Кашину. Но по дороге, в селе Андреевском, его ждали послы дяди от тверского епископа Василия. Бог, по

словам летописца, утешил ярость Михаила, и он помирился с дядей, а потом и с двоюродным братом Еремеем и московским князем Дмитрием Ивановичем. Но в том же году Еремей сложил с себя крестное целование Михаилу Александровичу и уехал в Москву.

В 1368 году великий князь московский Дмитрий и митрополит Алексей зазвали к себе князя Михаила якобы в гости, а на самом деле устроили над ним третейский суд. После чего вместе с боярами схватили и посадили под замок. Однако, получив неожиданное известие о приезде трех ордынских князей, Дмитрий и митрополит на всякий случай отпустили Михаила, хотя и заставили отказаться от Городка и части удела Семена Константиновича (брата дорогобужского князя Еремея), где великий князь московский Дмитрий посадил своего наместника вместе с князем Еремеем. Обиженный Михаил опять отправился жаловаться зятю. И осенью того же года Ольгерд с большим войском двинулся на Москву. По словам летописца, у Ольгерда Гедиминовича была привычка действовать скрытно, чтобы никто не догадался, когда и на кого поход, зачем собирает большое войско, *«этой-то хитростию он и забрал города и земли и попленил многие страны, воевал он не столько силою, сколько мудростию»*.

Обычно Ольгерд наступал на Москву с северо-запада, из района Ржевы, чтобы иметь в тылу союзницу Тверь. Теперь же он напал с юго-запада.

21 ноября 1368 года на реке Троена (приток Рузы) Ольгерд встретил московский сторожевой полк и разбил его; князя, бояре и воеводы – все погибли. Князь Дмитрий заперся в Москве. Ольгерд направился к столице княжества. Дмитрий велел поджечь посады, а сам с митрополитом, двоюродным братом Владимиром Андреевичем, со всеми боярами и людьми заперся в новом каменном Кремле. Три дня Ольгерд стоял под стенами, но взять Кремль не смог, зато опустошил все окрестности, угнал много людей и весь скот. Таким образом, князь Михаил Тверской был отомщен, Дмитрий вынужден был вернуть ему Городок и отобранную часть удела Семена Константиновича.

Князя Михаил Александрович и Ольгерд под стенами Москвы. Худ. Н. И. Белов

Мир Москвы с Тверью и Литвой продержался совсем недолго. Через пару лет большое войско, состоявшее из литвы, жмуди, руси и татар под предводительством Ольгерда, Кейстута и их сыновей Ягайло и Витовта вторглось в Пруссию, где великий магистр встретил его под замком Рудавою и наголову разбил. Московский князь был несказанно рад поражению Ольгерда и в августе 1370 года двинулся с ратью на Тверь. Князь Михаил Александрович как обычно бежал в Литву, а московский князь Дмитрий Иванович вторгся в Тверское княжество, покорил и сжег города Зубцов и Микулин и разорил села, взял большой полон и угнал весь скот. Ольгерд сумел собрать рать для отпора Москве лишь к концу года. В Рождественский пост он двинулся к Москве с братом Кейстутом, князьями Михаилом Тверским и Святославом Смоленским. Они подошли к Волоку Ламскому (Волоколамску) и сходу начали штурм кремля. В ходе боя воин-литовец смертельно ранил копьем князя Василия Березуйского. Через час тот скончался, но атака была отбита. Три дня литовцы грабили окрестности, а затем двинулись к Москве. Осада началась 6 декабря. Великий князь Дмитрий Иванович остался в Кремле, а двоюродный брат его Владимир Андреевич начал сбор войска в Перемышле (северном). К нему присоединились пронский князь Владимир Дмитриевич и полки рязанского князя Олега Ивановича.

Дмитрий Донской перед войском. Миниатюра из Лицевого летописного свода

Вскоре Ольгерд предложил Дмитрию Ивановичу мир, желая скрепить его браком своей дочери и князя Владими-

ра Андреевича. Но удалось договориться только на перемирие до Петрова дня. Тверской князь Михаил возвратился в Тверь, и вскоре князья помирились.

В следующем, 1372 году великий князь тверской Михаил Александрович сумел взять город Кистму, воеводы которого были схвачены и привезены в Тверь. Сразу после этого кашинский князь Михаил Васильевич отправил посла в Москву, заключил мир с князем Дмитрием и сложил крестное целование князю Михаилу Тверскому. Михаил Александрович не остановился на Кистме, а пошел к Дмитрову, взял с города откуп, посады и окрестные села сжег, бояр и многих людей взял в плен. В то же время он тайно отправил на Переяславль литовскую рать Кейстута и его сына Витовта, Андрея Олеговича Полоцкого и Дмитрия Друцкого. Как и с Дмитрова взял с Переяславля откуп, а окрестности пожег. Затем тверской князь повел литовскую рать на Кашин, который разделил участь Дмитрова и Переяславля. Оба города были вынуждены покориться литовскому войску и выплатить большую дань, а кашинский князь вновь целовал крест Михаилу. От Кашина союзники пошли к Торжку, взяли его, и Михаил Александрович посадил там своих наместников. Неожиданно в Петров пост к Торжку подошли давние союзники – новгородцы, и наместники Михаила со своим небольшим отрядом бежали из города. Тогда новгородцы отыгрались на тверских купцах. Узнав об этом, князь Михаил 31 мая вернулся к Торжку. Навстречу ему вышло новгородское войско.

В этом бою новгородцы были наголову разбиты, а их воевода Александр Абакумович убит. Разгневанный Михаил сжег Торжок и двинулся к Любутску, где стояла рать Ольгерда.

В конце концов стороны заключили перемирие «от Спожина заговенья до Дмитриева дня» (с 31 июля по 26 октября). Договор был заключен от имени Ольгерда, Кейстута и великого князя Смоленского Святослава Ивановича. В него были также включены тверской князь Михаил, брянский князь Дмитрий и те князья, «которые будут в имени Ольгерда и Святослава Смоленского». Трое рязанских князей (Олег, Роман и Владимир Пронский) были на стороне Дмитрия Московского. Ольгерд поручился, что Михаил Тверской вернет все награбленное им в московских землях и отзовет оттуда своих наместников.

Союз Твери с Литвой не только не был разорван, но и укрепился вследствие бракосочетания дочери Ольгердова брата Кейстута Марии и сына великого князя Михаила Александровича Ивана.

В следующем году Дмитрий Иванович послал своего двоюродного брата Владимира Андреевича с войском в Ржеву. Рать три дня простояла под стенами, город не взяла и отошла, предварительно разграбив и предав огню посад. Но ожидаемого в Москве ответного похода литовцев не было, так как в 1377 году скончался князь Ольгерд. Замечу, что перед смертью Ольгерд принял монашеский сан и поменял мирское православное имя Александр на монашеское Алек-

сий. А участь Москвы и Твери по-прежнему решал золотоордынский хан. Пришлось тверскому правителю Михаилу Александровичу признать московского князя «старшим братом».

* * *

Объединение русских земель вокруг Литвы было, в сущности, восстановлением разрушенного единства Киевской Руси. Только оно случилось на реке Вилии, а не на Днепре, как было в конце IX века, но тогда защитой Киева служили высокие кручи. Как территориальное образование ВКЛ почти на столетие опередило Московское княжество. Причем в отличие от него западнорусские земли сохраняли свою особенность и самобытность, свой внутренний строй, не сливались воедино с основным государственным ядром. Это различие прослеживается и в наши дни. На территории древнего Великого княжества Литовского в наше время почти три десятилетия существуют и развиваются семь независимых государств. Отмечу, что ВКЛ просуществовало относительно недолго, каких-то пару столетий. Но нельзя забывать, что оно было окружено со всех сторон агрессивными претендентами на его земли. А вот Московское княжество, сбросив с себя ордынское иго, начало собирать (присоединять, захватывать, занимать) земли; «освобождать» (покорять, уничтожать) народы, дойдя в своих устремлениях до Японского мо-

ря, да что там говорить, до Калифорнии, пока не остановилось перед притязаниями такого же воинственного агрессора – Соединенных Штатов. А ВКЛ все-таки было потеснено Московщиной, а впоследствии поглощено Польшей, которая через два столетия также была занята всё разрастающейся Российской империей.

Великий князь рассматривал региональных правителей не как владетельных особ, а скорее как помощников по управлению государством. Поэтому государственный совет в Великокняжестве Литовском появился значительно раньше, чем Дума в Московском царстве. Все важные государственные дела ВКЛ решались коллегиально. А Литва и Русь была единым государством, как ранее Киевская земля при Ярославе.

Великокняжеская власть оказалась в критическом положении сразу после смерти Гедимины в 1341 году, посадившего в Вильнюсе своего любимого сына Явнута. Как мы помним, братья Ольгерд и Кейстут сговорились его сместить и совместным договором оформили свои отношения. Так авторитарная власть сохранилась благодаря дуумвирату князей. Союз этот продолжался до смерти Ольгерда в 1377 году и признавался всеми князьями. Дело в том, что братья понимали, что в борьбе за власть они потеряют всё, поэтому Кейстут признал главенство Ольгерда, при этом подчинив своей воли других, более мелких правителей. Я повторю, это один из важнейших исторических моментов – един-

ство братьев. Как жаль, что в истории это если и случилось, то очень редко! По договоренности, после смерти их места будут занимать сыновья, место Ольгерда – Ягайло, Кейстута – Витовт. Так как раньше умер Ольгерд, то великим князем стал Ягайло, несмотря на то, что Кейстут был старше его и пользовался авторитетом и уважением. Для поддержания престижа племянника и согласно данному старшему брату слову, Кейстут подавал пример послушания, даже сам приезжал к Ягайло «по старым думам», что поддерживало престиж государства, не позволяя никому даже думать о сепаратизме. Продолжалось это недолго, опять-таки нашлись «советчики», надоумившие Кейстута нарушить данное им слово. Но как только он согнал племянника с трона великого князя и сам стал единоличным правителем, ему тут же перестал подчиняться новгород-северский князь Корибут при явной поддержке Ягайло. Даже Вильно отказался повиниться. Так Кейстут пал жертвой своих амбиций. А победившего Ягайло не признали даже его братья Андрей Полоцкий, Дмитрий Брянский и Витольд. Ягайло взял себе в помощники брата Скиргайло, получившего за это Троцкое княжение. Их отношения были такими же, как между его отцом и братом. Ягайло удержался за власть благодаря Скиргайло, ставшего его правой рукой.

Витовт великий

«И был князь великий Витовт сильный господар, и славен по всем землям, и много царей и князей служили при дворе его», – так сказано про этого легендарного правителя в летописной «Похвале Витовту». Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское при Витовте достигло вершин могущества. Оно раскинулось от Балтийского до Черного моря, от низовьев Западного Буга до реки Угра, превратившись в настоящую империю. Таков итог жизни и политической деятельности князя Витовта. Казалось, он не знал покоя, всего себя посвятив заботам о государстве. Его мудрое правление вспоминали и в последующие времена, как золотое время Великого княжества Литовского.

В пантеоне великих деятелей истории средневековья имя Витовта сияет звездой первой величины. «Великим было в свое время имя Витовта», – отмечал Папа Римский Пий II.

«Князь великого сердца и славы широкой», – писал о нем Матвей Меховский, польский хронист XVI века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.